

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.71.16.063

**О социально-демографической характеристики осужденных,
повторно отбывающих наказание в местах лишения свободы:
сравнительный анализ**

Лебешев Иван Сергеевич

Начальник отдела исследования проблем социологического
обеспечения и прогнозирования деятельности УИС,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: L.ivan.s@mail.ru

Шульц Евгений Вячеславович

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: shults.e.v@fsin.gov.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Проблема рецидивной преступности остается одной из наиболее острых в современной российской криминологии и уголовно-исполнительной практике. Несмотря на предпринимаемые государством меры, направленные на гуманизацию уголовной политики, модернизацию пенитенциарной системы и развитие альтернативных лишению свободы видов наказаний, статистика свидетельствует о том, что определенная часть лиц, однажды отбывших наказание в местах лишения свободы, вновь совершает преступления и возвращается в исправительные учреждения. В представленном материале рассматриваются ключевые параметры личности повторно осужденных: возрастная структура, образовательный уровень, семейное положение, трудовая занятость до осуждения, наличие судимостей и динамика изменений этих показателей в сравнении с данными прошлых лет. Характеристика лиц, повторно отбывающих лишение свободы, содержит обобщенные сведения о социально-демографических, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных характеристиках 5514 осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях УИС (аналогичный период прошлого года (далее – АППГ) – около 4500 осужденных) и проанкетированных в текущем году. На основе статистических материалов выявляются устойчивые тенденции, характерные для данной категории лиц.

Для цитирования в научных исследованиях

Лебешев И.С., Шульц Е.В., Слабкая Д.Н. О социально-демографической характеристике осуждённых, повторно отбывающих наказание в местах лишения свободы: сравнительный анализ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 612-624. DOI: 10.34670/AR.2026.71.16.063

Ключевые слова

Преступность, уголовно-исполнительная система, личность рецидивиста, лишения свободы, социально-демографическая характеристика, осужденные.

Введение

Основу настоящего исследования составляет сравнительный анализ характеристик личности осужденных в динамике относительно АППГ. Сопоставление показателей текущего и предшествующего периодов позволяет выявить устойчивые тенденции, фиксировать значимые изменения в структуре исследуемого спецконтингента.

В тех случаях, когда сравнение с АППГ в тексте отсутствует, это свидетельствует не об упущении, а о том, что соответствующая характеристика вводится в научный оборот данного исследования впервые, и ее анализ носит базовый, описательный характер, формируя точку отсчета для последующих сравнительных измерений.

Социально-демографическая характеристика осужденного представляет собой эмпирическую информацию о социальном статусе личности и о многих социальных ролях, которые определяют преступника как объекта и субъекта общественных отношений.

В рамках настоящего исследования, основу которого составляют результаты мониторинга повторной преступности за 2025 год, произведен анализ тех же характеристик, что и в рамках мониторинга повторной преступности за 2024 год, что позволяет исследовать динамику изменений.

Основная часть

Долевое распределение осужденных по возрастам выглядит следующим образом: 18-19 лет – 1,5%; 20-24 года – 5,7%; 25-30 лет – 14,6%; 30-39 лет – 29,5%; 40-49 лет – 29,6%; 50-54 года – 9,8%; 55-59 лет – 4,6%; 60 и более лет – 4,9%.

АППГ: 18-19 лет – 1%; 20-24 года – 4%; 25-30 лет – 13%; 30-39 лет – 31%; 40-49 лет – 29%; 50-54 года – 10%; 55-59 лет – 6%; 60 и более лет – 8%.

Следует заметить, что в целом возрастное распределение не претерпело существенных изменений, при этом в рамках рассмотрения конкретных возрастных групп возможно обнаружить отдельные тенденции.

Например, по сравнению с АППГ, наблюдается общее снижение численности наиболее возрастных категорий осужденных, и увеличение численности более молодых категорий соответственно.

Так, численность осужденных старше 50 лет по итогам 2025 года сократилась почти на 5% (с 24% до 19,3%).

При этом основная доля исследуемой категории осужденных по-прежнему находится в возрасте от 30 до 49 лет.

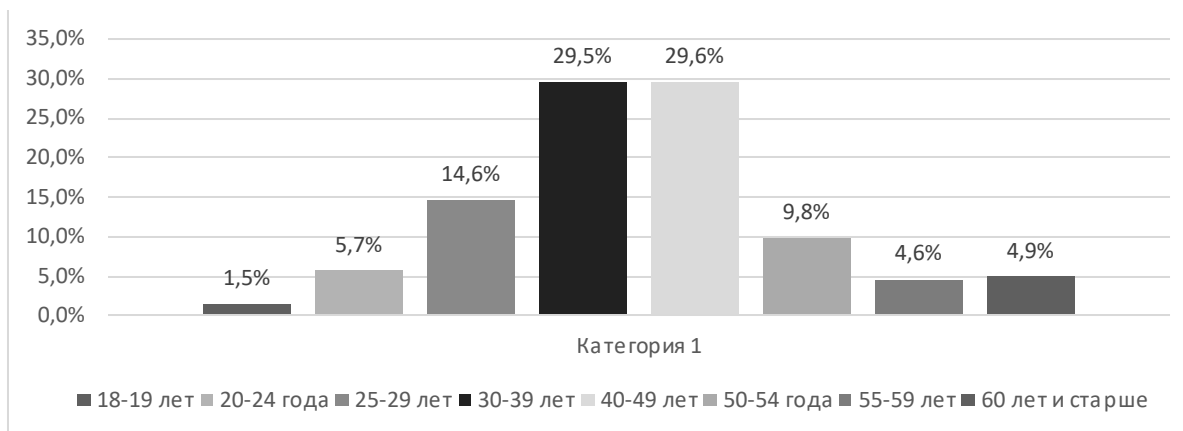


Рисунок 1 – Распределение доли осужденных по возрастным категориям

Семья в криминологии традиционно рассматривается как один из ключевых антикриминогенных факторов, обеспечивающих первичную социализацию личности [Тимошина, 2008, с. 5; Финаева, 2012, с.4]. Именно в семейной среде закладываются базовые поведенческие установки, формируются представления о допустимом и недопустимом, усваиваются нормы права и морали. Стабильные внутрисемейные отношения, эмоциональная поддержка и последовательное воспитательное воздействие способствуют развитию самоконтроля, ответственности и способности к эмпатии, что существенно снижает вероятность девиантного и преступного поведения.

Кроме того, семья выполняет компенсаторную и защитную функции, снижая воздействие внешних криминогенных факторов. В условиях неблагоприятной социальной среды именно семья может выступать буфером, предотвращающим вовлечение в преступные группы, девиантные субкультуры и иные формы асоциального поведения [Смоленский и др., 2025]. Таким образом, благополучная семья не только формирует правопослушное поведение, но и обеспечивает устойчивость личности к криминогенным влияниям окружающей среды.

Так, в рамках проведенного исследования в официальном браке состояло 26,7% опрошенных (АППГ – 26%), разведены – 23,1% (АППГ – 21%) и, наконец, холосты – 50,2% (АППГ – 51%). Таким образом, по сравнению с АППГ существенных изменений в семейном положении осужденных-рецидивистов не наблюдается.

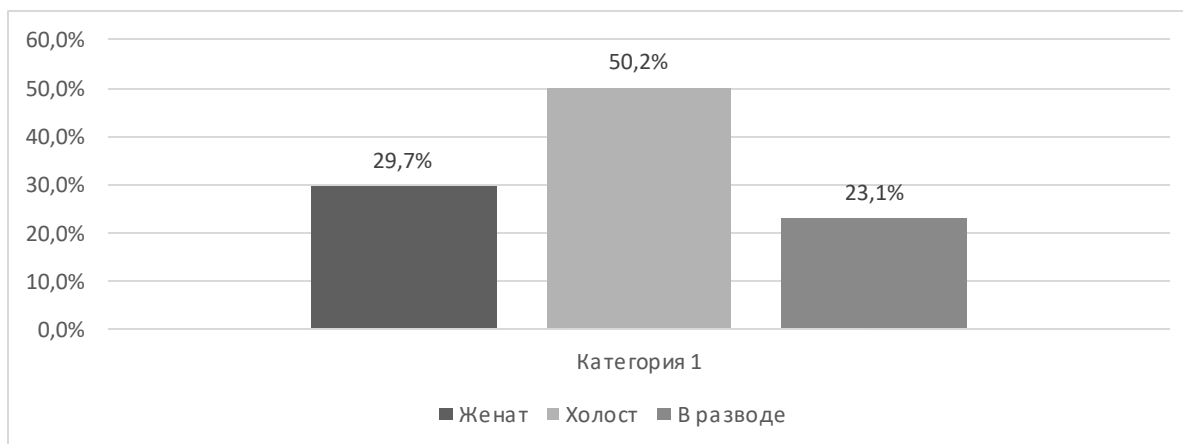


Рисунок 2 – Характеристика семейного положения

На момент первого осуждения 52,8% (АППГ – 46%) в браке не состояли, 34% (АППГ – 35%) состояли в браке, при этом у 17,7% (АППГ – 20%) от общего числа опрошенных семья сохранилась после осуждения, у 16,3% (АППГ – 15%) – распалась.

В официально незарегистрированных отношениях (гражданский брак) состояли 11,7% (АППГ – 16%), где отношения продолжились после осуждения у 6,7% (АППГ – 6%) от общего количества респондентов, а у 5% (АППГ – 10%) семья распалась.

1,5% (АППГ – 4%) заключили брак в период отбывания наказания.

Анализ указанных данных позволяет обнаружить, что по сравнению с АППГ увеличилось доля лиц, не состоящих в браке на момент первого осуждения (-6,7%), одновременно с этим значительно снизилась численность опрошенных, заключивших брак в период отбывания наказания.



Рисунок 3 – Характеристика семейных отношений

Далее представляет интерес продолжительность брака среди осужденных-рецидивистов, состоящих в таких отношениях.

Акцентируем внимание, что 52,8% не состояли в браке, менее года состояли в браке 9,1% (АППГ – 6%), от 1 года до 3 лет – 9,3% (АППГ – 14%), от 3 до 5 лет – 9,2% (АППГ – 12%), от 5 до 10 лет – 9,8% (АППГ – 9%), свыше 10 лет – 9,8% (АППГ – 8%).

Немаловажно в контексте рассмотрения семейных отношений исследовать вопрос наличия детей у опрашиваемой категории осужденных-рецидивистов, поскольку указанное обстоятельство выступает дополнительным антикриминогенным фактором, усиливая степень имеющейся у осужденных ответственности.

Родительский надзор, вовлеченность в жизнь ребенка, а также наличие доверительных отношений создают условия, при которых отклоняющееся поведение своевременно выявляется и корректируется. Согласно постулатам теории социального контроля прочные социальные связи (в том числе семейные) уменьшают склонность к правонарушениям, поскольку индивид не заинтересован в утрате значимых отношений и социального одобрения.

Полученные данные свидетельствуют, что большинство осужденных рецидивистов имеют детей 57,2% (АППГ – 51%), из них одного ребенка – 29,5% (АППГ – 30%), двоих детей – 19,7% (АППГ – 16%), троих и более – 8% (АППГ – 5%).

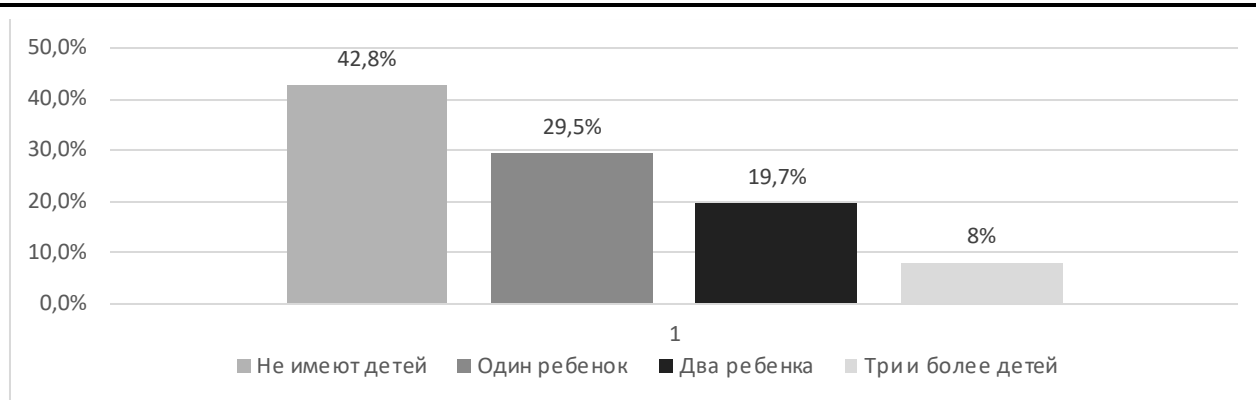


Рисунок 4 – Численность осужденных, имеющих детей, %

Таким образом, по сравнению с АППГ, наблюдается рост численности осужденных-рецидивистов, имеющих детей, при этом наибольший рост демонстрируют группы осужденных с двумя и более детьми.

Исследование семейного положения осужденных-рецидивистов было бы неполным без рассмотрения основополагающего фактора – взаимоотношений с близкими, поскольку в условиях отсутствия поддержания связи семья не может быть признана действенным антикриминогенным фактором [Росина, Круцик, 2026].

По результатам исследования, подавляющее большинство опрошенных осужденных поддерживают тем или иным способом отношения с семьей, близкими родственниками 81,3% (АППГ – 83%), при этом:

- 23,4% (АППГ – 17%) поддерживали отношения путем переписки;
- 21,3% (АППГ – 24%) – путем свиданий;
- 36,6% (АППГ – 42%) – путем телефонных переговоров.

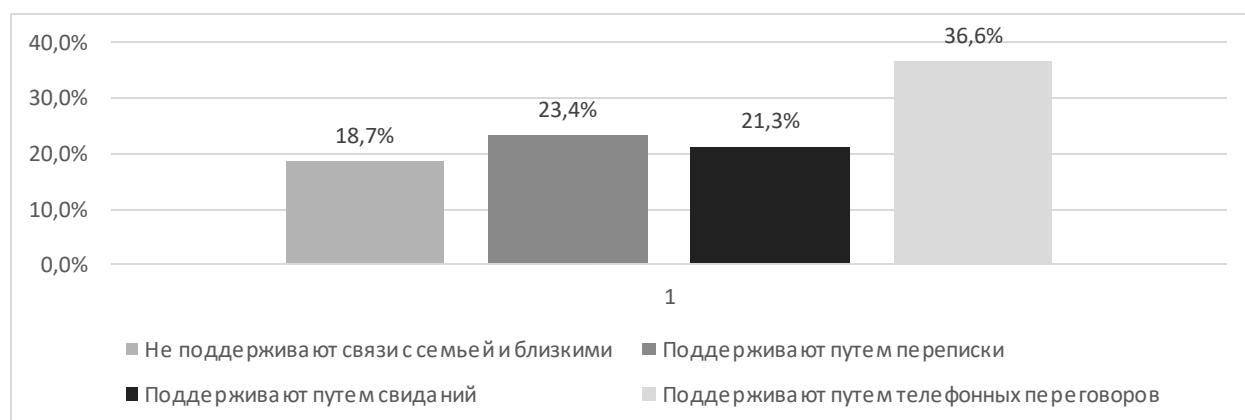


Рисунок 5 – Сведения о взаимоотношениях с семьей, близкими родственниками

В рамках исследования следующей социально-демографической характеристики рассматривается уровень образования. Связь между уровнем образования и преступным поведением достаточно подробно изучена в работах российских исследователей [Цветкова, 2012; Семенова, Авдевина, 2023]. Однозначно можно сделать вывод о том, что чем выше уровень образования, тем ниже преступное поведение. Указанное обстоятельство не представляется спорным.

Рассматривая основные мотивы совершения преступлений (будут проанализированы далее в исследовании), замечаем, что лица с более высоким уровнем образования при прочих равных условиях способны не испытывать существенных затруднений в удовлетворении базовых потребностей, имея возможности для заработка и, что немаловажно, дальнейшего карьерного развития, благоприятствующего дальнейшему увеличению дохода.

Кроме того, высокий уровень образования сопряжен с культурным и нравственным развитием, что также позволяет не прибегать к преступному поведению, как способу решения проблем для удовлетворения потребностей.

По результатам проведенного исследования начальное образование имели 10,4% опрошенных (АППГ – 8%), основное общее (неполное среднее) – 20,9% (АППГ – 16%); среднее полное общее – 23,1% (АППГ – 28%); среднее профессиональное (среднее техническое, специальное, незаконченное высшее) – 40,4% (АППГ – 45%), высшее – 5,2% (АППГ – 3%).

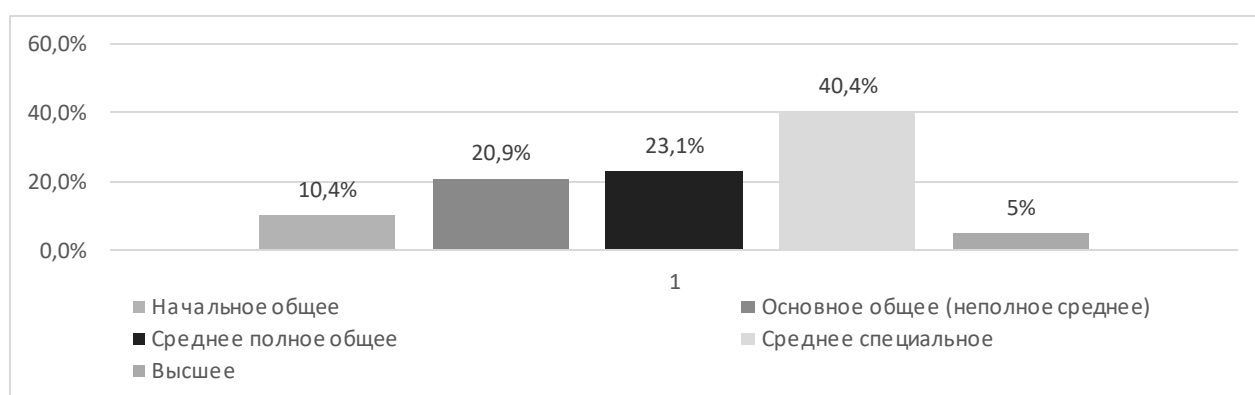


Рисунок 6 – Уровень образования

Таким образом, результаты исследования подтверждают тезис о том, что высокий уровень образования соответствует меньшей криминогенности индивида – доля осужденных-рецидивистов с высшим образованием минимальна и не превышает порог (5%).

Сравнение с АППГ свидетельствует о том, что в целом разделение осужденных по образовательным группам не претерпело существенных изменений, однако обращает на себя внимание, что доля осужденных с основным общим (неполным средним) образованием увеличилась на 4,9% с одновременным уменьшением на такой же процент доли осужденных со средним полным общим образованием.

Далее важно рассмотреть вопрос отношения осужденных к религии.

Религия выступает антикриминогенным фактором прежде всего через формирование устойчивых морально-нравственных установок [Новиков, 2023]. Религиозные системы закрепляют в сознании индивида базовые запреты, которые при должном усвоении, могут выполнять функцию внутренних регуляторов поведения.

В отличие от внешнего правового контроля, религиозные нормы действуют на уровне совести, формируя самоконтроль и снижая вероятность девиантных и преступных поступков даже в условиях отсутствия внешнего надзора.

Немаловажно, что конфессиональные (религиозные) общины создают плотные социальные связи, в рамках которых поведение индивида находится под наблюдением значимой группы. Страх утраты репутации, осуждения или исключения из религиозного сообщества также выполняет функцию неформального санкционирования.

Однако, следует отметить, что антикриминогенный потенциал религии в наибольшей степени реализуется в рамках социально признанных религиозных организаций. Так называемые «традиционные» или «официальные» религии, как правило, интегрированы в социальную структуру общества, поддерживают правопорядок и транслируют ценности, коррелирующие с действующими нормами права, морали и нравственности.

В противоположность этому, нетрадиционные культы и секты нередко могут обладать выраженным криминогенным, экстремистским потенциалом.

В этой связи следует согласиться с мнением авторитетных исследователей о том, что значение религии как антикриминогенного фактора стоит признавать, но не следует переоценивать.

Исходя из полученных данных, большинство опрошенных осужденных отнесли себя к православным (68,4%), 14,7% определили себя неверующими, 10% – мусульмане, 2,8% – буддисты, 4% – имеют иные религиозные убеждения.

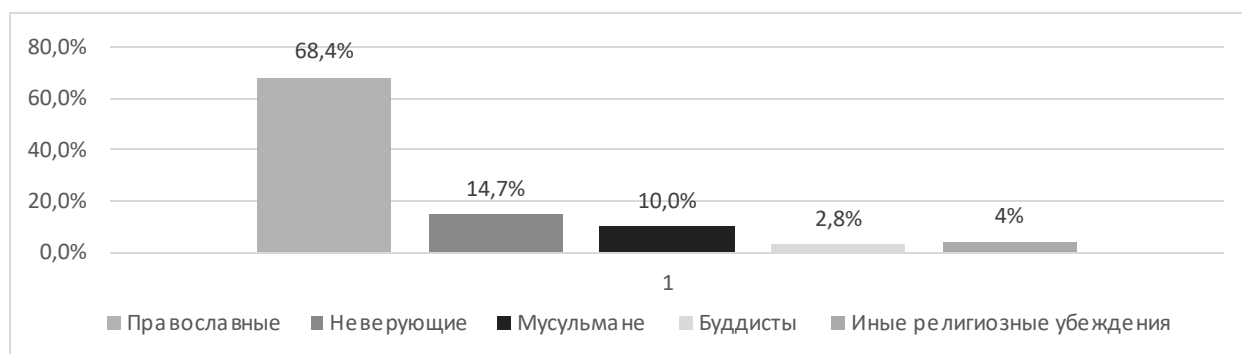


Рисунок 7 – Распределение осужденных в зависимости от религиозных убеждений

Вывод о том, что основная масса осужденных-рецидивистов демонстрирует противоправное поведение уже в достаточно молодом возрасте остается актуальным. Например, 52,4% опрошенных имели приводы в полицию до момента совершения первого преступления (АППГ – 51,6%). Кроме того, в свое первое преступление абсолютное большинство совершили в возрасте до 30 лет – 90,8% (АППГ – 89,9%).

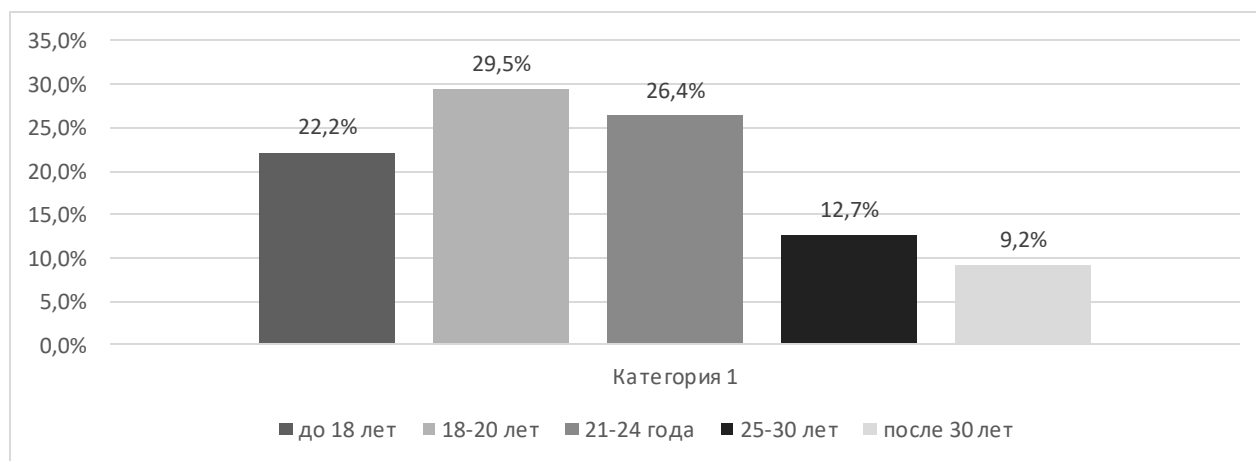


Рисунок 8 – Распределение осужденных в зависимости от возраста совершения первого преступления

Долевое распределение осужденных в зависимости от возраста совершения последующих преступлений выглядит следующим образом:

до 18 лет – 7,2%, 19-20 лет – 16,3%, 21-24 года – 11%, 25-30 лет – 30,1%, после 30 лет – 35,4% (АППГ: 6,9%, 15,5%, 13,3%, 31,5%, 32,8%).

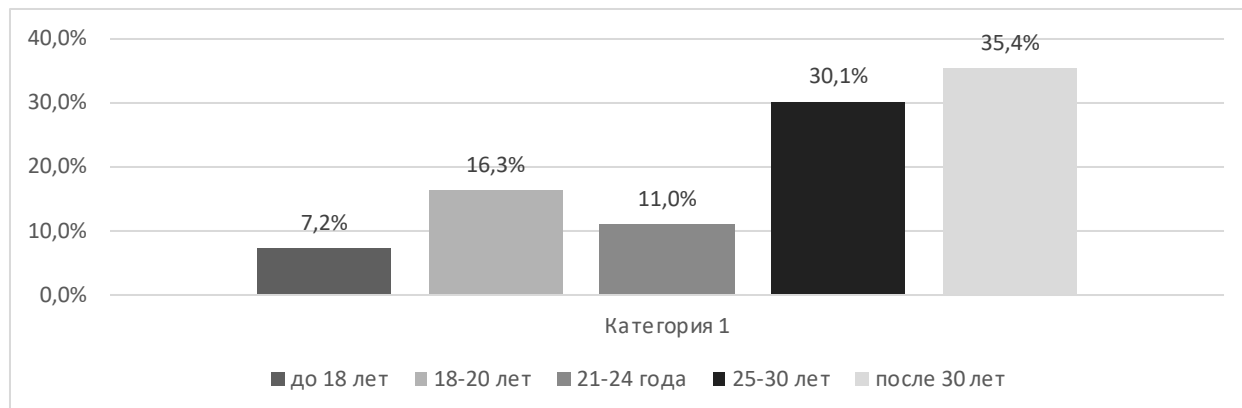


Рисунок 9 – Распределение осужденных в зависимости от возраста совершения последующих преступлений

При этом период, прошедший между совершенными преступлениями, составил:

менее 6 месяцев – 11,9%, от 6 месяцев до 1 года – 20,4%, от 1 года до 3 лет – 30,4%, от 3 лет до 5 лет – 16,7%, от 5 лет до 10 лет – 13,1%, от 10 лет до 20 лет – 5,7%, более 20 лет – 1,8% (АППГ: 10,9%, 19,8%, 32%, 15,5%, 13,4%, 5%, 3,4%).

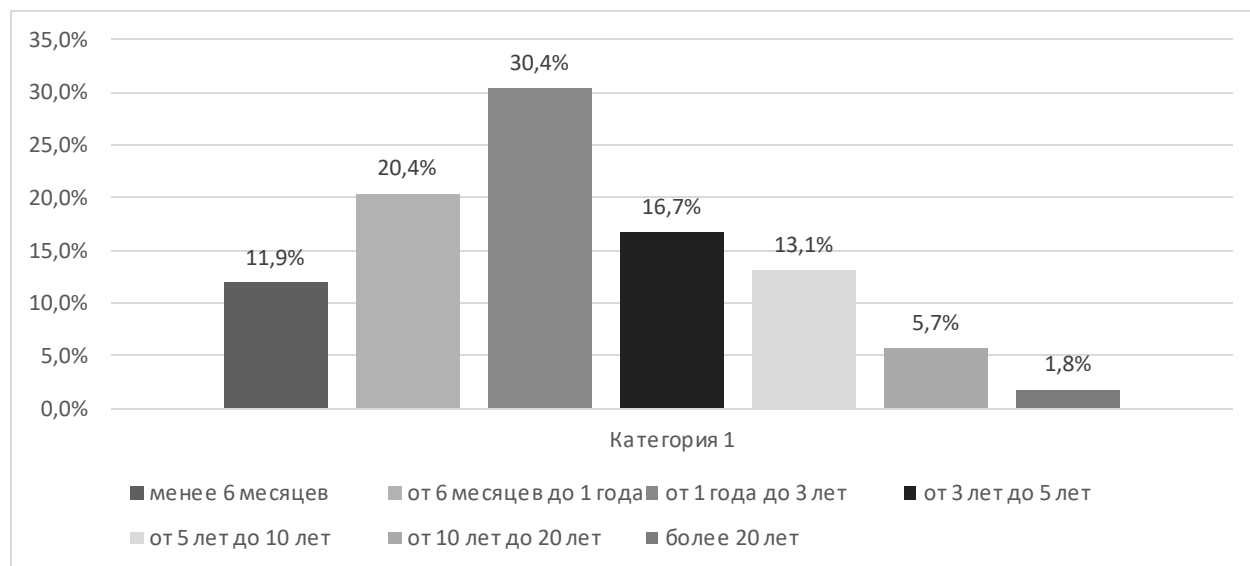


Рисунок 10 – Распределение осужденных в зависимости от периода, прошедшего между совершенными преступлениями

Заключение

Таким образом, следует констатировать, что склонность к противоправному поведению, характерная для осужденных рецидивистов, в целом остается на уровне АППГ. При этом, как и

в случае с возрастным распределением, отдельные из выше рассмотренных групповых показателей отличаются наибольшей динамикой изменений.

Так, рассматривая долевое распределение осужденных в зависимости от возраста совершения последующих преступлений, замечаем снижение доли лиц, совершивших повторное преступление в возрасте от 20 до 24 лет и от 25 до 30 лет (-2,3% и 1,4% по сравнению с АППГ соответственно), одновременно с этим на 2,6% увеличилась по сравнению с АППГ численность лиц, совершивших повторное преступление в возрасте после 30 лет.

Анализируя показатели периода, прошедшего между совершенными преступлениями, констатируем:

- снижение по сравнению с АППГ численности осужденных-рецидивистов, совершивших повторное преступление в период от 1 года до 3 лет и более 20 лет (-1,6% в обоих случаях);
- увеличение по сравнению с АППГ на 1,2% численности осужденных-рецидивистов, совершивших повторное преступление в период от 3 лет до 5 лет.

Проведенное исследование социально-демографических характеристик осужденных, повторно отбывающих наказание в местах лишения свободы, позволяет сформулировать целостное представление о природе, масштабах и ключевых детерминантах рецидивной преступности в современном российском обществе. Сравнительный анализ, охватывающий возрастные, образовательные, семейные параметры, демонстрирует, что феномен повторного отбывания наказания не является случайным стечением обстоятельств или следствием индивидуальных моральных дефектов отдельных правонарушителей, а представляет собой устойчивый социальный паттерн. Молодые люди, впервые осужденные в возрасте 18–25 лет, с высокой вероятностью возвращаются в места лишения свободы уже в зрелом возрасте, пройдя через многолетний цикл «преступление – наказание – освобождение – рецидив».

Образовательные и профессиональные характеристики повторно осужденных демонстрируют прямую корреляцию между уровнем человеческого капитала и вероятностью возврата к преступной деятельности. Отсутствие востребованной профессии, низкая квалификация и многолетний разрыв с легальным рынком труда делают эту категорию граждан практически неконкурентоспособной при трудоустройстве. не способны обеспечить осужденных современными востребованными специальностями, что воспроизводит их профессиональную непригодность после освобождения.

Итак, подводя итог анализа социально-демографических характеристик личности осужденных-рецидивистов, можно сделать следующие выводы:

1. Основную возрастную группу осужденных-рецидивистов составляют лица в возрасте от 30 до 49 лет (в совокупности 59,1%), что свидетельствует о преимущественно зрелом возрасте исследуемой категории. Вместе с тем по сравнению с АППГ фиксируется «омоложение» рецидивного контингента: доля осужденных старше 50 лет сократилась почти на 5% (с 24% до 19,3%), тогда как численность более молодых возрастных групп возросла.
2. Большинство осужденных-рецидивистов никогда не состояли в официальном браке (50,2%), что указывает на слабость семейных связей как антикриминогенного фактора для данной категории.
3. Большинство осужденных-рецидивистов имеют детей (57,2%), при этом по сравнению с АППГ (51%) данный показатель вырос.
4. Подавляющее большинство осужденных-рецидивистов поддерживают связь с семьей и близкими родственниками (81,3%), преимущественно посредством телефонных переговоров

(36,6%) и переписки (23,4%). Вместе с тем по сравнению с АППГ доля лиц, поддерживающих отношения путем личных свиданий и телефонных переговоров, несколько снизилась, что может косвенно свидетельствовать об ослаблении реального качества семейных контактов.

5. Наиболее распространенным уровнем образования среди осужденных-рецидивистов является среднее профессиональное (40,4%), тогда как доля лиц с высшим образованием минимальна (5,2%), что соответствует общей криминологической закономерности об обратной зависимости между уровнем образования и криминогенностью личности. По сравнению с АППГ фиксируется прирост доли осужденных с основным общим (неполным средним) образованием на 4,9%, что может свидетельствовать о нарастании образовательной депривации в рецидивном контингенте.

6. По самооценке религиозных убеждений большинство осужденных-рецидивистов относят себя к православным (68,4%), 14,7% определяют себя как неверующих. Криминологическое значение данного показателя ограничено в связи с тем, что декларируемая религиозная принадлежность не всегда коррелирует с реальным усвоением нравственно-регулятивных норм.

Библиография

1. Бесчастнова О.В., Шульц Е.В., Слабкая Д.Н. Актуальность состояния социально-демографической характеристики лиц, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций, ранее совершавших преступления // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 9-1. С. 297-304. DOI: 10.34670/AR.2025.44.81.039
2. Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Новиков А.В. Актуальное состояние рецидива преступности среди лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях строгого режима // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 1А-2А. С. 388-397. DOI: 10.34670/AR.2023.25.62.051
3. Новиков, А. В. Меры уголовно-правового поощрения правопослушного поведения осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы / А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 11-1. – С. 442-449.
4. Новиков, А. В. Повторные (рецидивные) преступления в уголовном праве России / А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 7-1. – С. 314-320. – DOI 10.34670/AR.2023.28.92.036.
5. Опокин, А. Б. Состояние и тенденции развития современной рецидивной преступности, её место в современной преступности / А. Б. Опокин, А. Т. Мовсисян, А. А. Кислухина // Новое в науке и образовании : сборник трудов Международной ежегодной научно-практической конференции, Москва, 04 апреля 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт", 2024. – С. 140-145.
6. Репьева, А. М. Рецидивная преступность: современное состояние и направления предупреждения / А. М. Репьева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2026. – № 1(76). – С. 59-70.
7. Росина Ю. С., Круцик М. С. Социально-психологический портрет осужденных рецидивистов и факторы, препятствующие их социальной интеграции // Векторы психолого-педагогических исследований. 2026. № 1(10). С. 117–126.
8. Смоленский Д. В., Кузнецова И. А., Шилова И. М. Особенности установок семейных отношений у неоднократно осужденных к лишению свободы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 4(103). С. 428–432. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-428-432>
9. Семенова, В. В., Авдеевнина, Д. С. Влияние уровня образования и формы трудоустройства на количество совершаемых преступлений / В. В. Семенова, Д. С. Авдеевнина // Журнал социологических исследований. – 2023. – №. 2. – С. 67-73.
10. Тимошина, Е. М. Криминологическое изучение семьи как антикриминогенного фактора в предупреждении отклоняющегося поведения детей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. М. Тимошина // Московский университет МВД России. – Москва, 2008. – 26 с.
11. Филиппова, О. В. Социально-психологические детерминанты рецидивной преступности / О. В. Филиппова // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 468. – С. 265-269. – DOI 10.17223/15617793/468/31.
12. Финаева, А. Г. Ресоциализационный потенциал семьи осужденного : автореф. дис. ... канд. соц. наук : 22.00.04 / А. Г. Финаева // Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. – Саратов, 2012. – 19 с.

13. Цветкова, Е. В. Некоторые особенности преступности несовершеннолетних и факторы, влияющие на формирование личности несовершеннолетнего преступника / Е. В. Цветкова // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 4(25). – С. 137–142;
14. Характеристика осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы : по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года / В. И. Селиверстов, А. Н. Баламут, П. Н. Посмаков ; под научной редакцией В. И. Селиверстова. – Москва : Проспект, 2024. – 101 с.

On the Socio-Demographic Characteristics of Convicts Serving Sentences Repeatedly in Places of Deprivation of Liberty: A Comparative Analysis

Ivan S. Lebeshev

Head of the Department for Research on Problems of Sociological Support
and Forecasting of the Activities of the Penitentiary System,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: L.ivan.s@mail.ru

Evgenii V. Shul'ts

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: shul'ts.e.v@fsin.gov.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The problem of recidivist crime remains one of the most acute in modern Russian criminology and penal practice. Despite the measures taken by the state aimed at humanizing criminal policy, modernizing the penitentiary system, and developing types of punishment alternative to deprivation of liberty, statistics indicate that a certain portion of persons who have once served a sentence in places of deprivation of liberty again commit crimes and return to correctional institutions. The presented material examines the key parameters of the personality of repeatedly convicted persons: age structure, educational level, marital status, employment before conviction, the presence of criminal records, and the dynamics of changes in these indicators in comparison with data from previous years. The characteristics of persons serving deprivation of liberty repeatedly contain generalized information on the socio-demographic, criminal-law, and penal characteristics of 5,514 convicts held in correctional institutions of the penitentiary system (the analogous period of last year (hereinafter referred to as APPG) – about 4,500 convicts) and surveyed in the current year. On the basis of statistical materials, stable trends characteristic of this category of persons are identified.

For citation

Lebeshev I.S., Shul'ts E.V., Slabkaya D.N. (2026) O sotsial'no-demograficheskoy kharakteristike osuzhdennykh, povtorno otbyvayushchikh nakazanie v mestakh lisheniya svobody: sravnitel'nyy analiz [On the Socio-Demographic Characteristics of Convicts Serving Sentences Repeatedly in Places of Deprivation of Liberty: A Comparative Analysis]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 612-624. DOI: 10.34670/AR.2026.71.16.063

Keywords

Crime, penal system, personality of the recidivist, deprivation of liberty, socio-demographic characteristics, convicts.

References

1. Beschastnova O.V., Shul'ts E.V., Slabkaya D.N. (2025). Aktual'nost' sostoyaniya sotsial'no-demograficheskoy kharakteristiki lits, sostoyashchikh na uchete ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsiy, raneye sovershavshikh prestupleniya [Relevance of the State of Socio-Demographic Characteristics of Persons Registered with Criminal-Executive Inspections Who Previously Committed Crimes]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 15(9-1), 297-304. DOI: 10.34670/AR.2025.44.81.039.
2. Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Novikov A.V. (2023). Aktual'noye sostoyaniye retsidiva prestupnosti sredi lits, otbyvayushchikh nakazaniye v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh strogogo rezhima [Current State of Recidivism among Persons Serving Sentences in Strict Regime Correctional Institutions]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 13(1A-2A), 388-397. DOI: 10.34670/AR.2023.25.62.051.
3. Novikov A.V. (2024). Mery ugolovno-pravovogo pooshchreniya pravoposlushnogo povedeniya osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazaniye v vide lisheniya svobody [Measures of Criminal-Law Encouragement of Law-Abiding Behaviour of Convicts Serving Sentences in the Form of Deprivation of Liberty]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 14(11-1), 442-449.
4. Novikov A.V. (2023). Povtornyye (retsidivnyye) prestupleniya v ugolovnom prave Rossii [Repeat (Recidivist) Crimes in Russian Criminal Law]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 13(7-1), 314-320. DOI: 10.34670/AR.2023.28.92.036.
5. Opokin A.B., Movsisyan A.T., Kislukhina A.A. (2024). Sostoyaniye i tendentsii razvitiya sovremennoy retsidivnoy prestupnosti, yeyo mesto v sovremennoy prestupnosti [State and Development Trends of Modern Recidivist Crime, Its Place in Modern Crime]. In *Novoye v nauke i obrazovanii: sbornik trudov Mezhdunarodnoy yezhegodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [New in Science and Education: Collection of Proceedings of the International Annual Scientific-Practical Conference] (pp. 140-145). OOO "Izdatel'stvo "Manuskript".
6. Repieva A.M. (2026) Retcidivnaya prestupnost': sovremennoye sostoyaniye i napravleniya preduprezhdeniya [Recidivist Crime: Current State and Directions of Prevention]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 1(76), 59-70.
7. Rosina Yu.S., Krutsik M.S. (2026) Sotsial'no-psikhologicheskiiy portret osuzhdennykh retsidivistov i faktory, prepyatstvuyushchiye ikh sotsial'noy integratsii [Socio-Psychological Portrait of Recidivist Convicts and Factors Hindering Their Social Integration]. *Vektory psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniy*, 1(10), 117-126.
8. Smolensky D.V., Kuznetsova I.A., Shilova I.M. (2025). Osobennosti ustanovok semeynykh otnosheniy u neodnokratno osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Peculiarities of Family Relationship Attitudes in Persons Repeatedly Sentenced to Deprivation of Liberty]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 30(4), 428-432. DOI: 10.24412/1999-6241-2025-4103-428-432.
9. Semenova V.V., Avdevnina D.S. (2023). Vliyaniye urovnya obrazovaniya i formy trudoustroystva na kolichestvo sovershayemykh prestupleniy [The Influence of Education Level and Form of Employment on the Number of Crimes Committed]. *Zhurnal sotsiologicheskikh issledovaniy*, 2, 67-73.
10. Timoshina E.M. (2008). *Kriminologicheskoye izucheniye sem'i kak antikriminogennoy faktora v preduprezhdenii otklonyayushchegosya povedeniya detey* [Criminological Study of the Family as an Anti-Criminogenic Factor in the Prevention of Deviant Behaviour of Children] (Author's abstract of Candidate of Law dissertation, 12.00.08; Moscow University of the MVD of Russia). Moscow.
11. Filippova O.V. (2021). Sotsial'no-psikhologicheskkiye determinanty retsidivnoy prestupnosti [Socio-Psychological Determinants of Recidivist Crime]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 468, 265-269. DOI: 10.17223/15617793/468/31.
12. Finaeva A.G. (2012). *Resotsializatsionnyy potentsial sem'i osuzhdennoy* [Resocialisation Potential of the Convict's Family] (Author's abstract of Candidate of Sociological Sciences dissertation, 22.00.04; Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A.). Saratov.

13. Tsvetkova E.V. (2012). Nekotoryye osobennosti prestupnosti nesovershennoletnikh i faktory, vliyayushchiye na formirovaniye lichnosti nesovershennoletnego prestupnika [Some Peculiarities of Juvenile Delinquency and Factors Influencing the Formation of the Personality of a Juvenile Offender]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, 4(25), 137-142.
14. Seliverstov V.I., Balamut A.N., Posmakov P.N. (2024). *Kharakteristika osuzhdennykh, otbyvayushchikh pozhiznennoye lisheniye svobody: po materialam spetsial'noy perepisi osuzhdennykh i lits, soderzhashchikhsya pod strazhey, dekabr' 2022 goda* [Characteristics of Convicts Serving Life Imprisonment: Based on the Materials of the Special Census of Convicts and Persons in Custody, December 2022] (V.I. Seliverstov, ed.). Prospekt.